

**ЧЕЛОВЕК,
КУПИВШИЙ ПЛАНЕТУ**

Тед, моей преданной жене, с любовью

Тема и пролог

ИСТОРИЯ, МЕСТО И ВРЕМЯ — ВОТ ЧТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

I

Место? Старая Северная Австралия. Где еще это могло произойти? Где еще фермеры платят десять миллионов кредитов за носовой платок и пять — за бутылку пива? Где еще люди ведут спокойную жизнь, не тронутую милитаризмом, в мире, который заминирован смертью и вещами похуже смерти? У Старой Северной Австралии есть струн — лекарство сантаклара, — и более тысячи других планет борются за него. Однако получить струн можно только от Севстралии — таково их краткое название, — потому что это вирус, процветающий в гигантских, уродливых овцах. Овец завезли с Земли, чтобы создать систему выпаса; в результате они стали величайшим из вообразимых сокровищ. Простые фермеры превратились в простых миллиардеров, но сохранили свой фермерский уклад. Они были несговорчивы — и стали еще несговорчивей. Люди озлобляются, если грабить их и издеваться над ними почти три тысячи лет. Они становятся упрямыми. Они избегают чужаков, за исключением случайных туристов и шпионов, которых сами рассылают. Они не ведут дел с другими людьми — и превращаются в вашу погибель, с головы до ног и с ног до головы, если вы переходите им дорогу.

Потом один из них объявился на Земле и купил ее. Всю планету целиком, включая недолюдей.

Для Земли это стало настоящим позором.

И для Севстралии тоже.

Если бы речь шла о двух правительствах, Севстралия раздала бы Землю догола, а потом продала ей все обратно со сложными процентами. Так ведут дела севстралийцы. Или они могли сказать: «Дружище, брось. Забирай свой старый слякотный шар. У нас есть свой чудесный сухой мир». Такой у них характер. Непредсказуемый.

Но парень купил Землю, и теперь она принадлежала ему.

По закону он имел право выкачать Закатный океан, запустить в космос и продавать воду по всей обитаемой галактике.

Он этого не сделал.

Он хотел кое-что другое.

Земные власти решили, что это девушки, и попытались завалить его девицами всех форм, размеров, ароматов и возрастов — от юных леди из благородных семейств до недодевушек-собак, от которых постоянно пахло романтикой, не считая первых пяти минут после горячего обеззараживающего душа. Но ему не нужны были девушки. Ему нужны были почтовые марки.

Это поставило в тупик и Землю, и Севстралию. Севстралийцы — суровые люди с суровой планеты, они высоко ценят ответственность. (И почему нет? Большая ее часть принадлежит им.) Подобная история могла начаться только на Севстралии.

2

На что похожа Севстралия?

Кто-то однажды воспел ее следующим образом:

О земля, что сера. О серые травы от неба до неба. Ни порогов, мой милый, ни гор — лишь холмы, лишь серые дюны. Смотри, как цветет зыбучий огонь на звездном песке.

Это Севстралия.

Грязи больше нет — нет нищеты, нет ожидания, нет боли. Люди с боем вырвались на свободу, спаслись от чудовищных форм. Они сражались за ладони и носы, глаза и ступни, мужчин и женщин. Они все вернули назад. Вышли из кошмара наяву, пережив столетия, когда ужасные существа сосали воду вокруг прудов, мечтая о том, чтобы вновь стать людьми. Они добились своего. И снова, снова были людьми, оставив далеко позади жуткое *когда*.

А вот несчастные овцы не справились. Эссенция их болезни подарила человеку бессмертие. Кто сказал, что исследования способны на такое? Исследования! Тьфу! Это была чистая случайность. Добудь себе случайность, приятель, и дело сделано.

Бежево-коричневые овцы лежат на сине-серой траве, а облака тянутся низко над головой, словно железные трубы на потолке мира.

Выбери себе больную овцу, приятель, в болезни вся соль. Начитай мне планету или накашляй глоток вечной жизни. Если там, где живут дурни и тролли вроде тебя, слишком безумно, здесь все как надо.

Вот книга, приятель.

Если ты не видел ее, значит, не видел Севстралию. Если видел, ты бы ей не поверил. Если ты попал туда, живым тебе не выбраться.

Кисоньки-пусеньки Хиттон-мабусеньки ждут тебя там. Миленькие зверюшки, миленькие-премиленькие. Симпатияжки, так про них говорят. Не верь. Никому еще не удавалось взглянуть на них — и уйти оттуда живым. И тебе не удастся. Последний рывок, браток. Победа побед, дед.

На картах это место называется Старой Северной Австралией. Надо полагать, такое оно и есть.

3

Время: первый век Переоткрытия человека.

Когда жила К'мелл.

Примерно тогда они вычистили Шайол, словно вытерли яблоко рукавом.

Глубоко в нашем времени. Через пятнадцать тысяч лет после того, как взлетели бомбы и удар обрушился на Старую-Престарую Землю.

Сами видите, недавно.

4

Что происходит в истории?

Прочтите ее.

Кто в ней участвует?

Все начинается с Рода Макбана — которого на самом деле звали Родерик Фредерик Рональд Арнольд Уильям Макартур Макбан. Однако не получится рассказать историю, если называть главного героя таким длинным именем, как Родерик Фредерик Рональд Арнольд Уильям Макартур Макбан. Приходится поступать так, как поступали его соседи: называть его Род Макбан. Пожилые дамы постоянно говорили: «Род Макбан сто пятьдесят первый...» — и вздыхали. Настраивайте на них, друзья. Нам не нужны цифры. Мы знаем, что его семья была выдающейся. Знаем, что бедняге на роду были написаны неприятности.

А почему бы и нет?

Ему суждено было унаследовать Пастбище рока.

Он едва не провалил Сад смерти.

Его преследовал почсек.

Его отец умер в той отвратительной области космоса, где люди никогда не умирают хорошей, чистой смертью.

Когда у него возникли неприятности, он доверился своему компьютеру.

Компьютер рискнул — и выиграл Землю.

Он отправился на Землю.

В *этом* суть истории — в *этом* и в К'мелл, которая была рядом с ним.

В конце концов, он привел дела в порядок и вернулся домой.

Вот такая история. За исключением деталей.

Они будут дальше.

Глава 1

У БРАТ САДА СМЕРТИ

Для Рода Макбана это был важнейший день. Он знал, что происходит, но по-настоящему этого не чувствовал. Возможно, ему ввели дозу полуочищенного струна, продукта столь редкого и драгоценного, что его никогда не продавали за пределы планеты.

Он знал, что к ночи будет смеяться, хихикать и пускать слюни в одной из Умирающих комнат, куда прятали отбракованных, чтобы проредить человеческий род, или станет старейшим землевладельцем на планете, Главным наследником Пастбища рока. Ферму спас тридцатидвухкратный прадед Рода, который купил ледяной астероид, обрушил его на ферму под бурные протесты соседей и научился хитрым трюкам с артезианскими скважинами, благодаря чему у него трава росла, а соседские синезеленые поля осыпались пылью. Макбаны сохранили саркастическое старое название своей фермы, Пастбище рока.

Род знал, что к ночи ферма будет его.

Или он будет умирать, хихикая, в камере смерти, где люди оканчивали жизнь со смехом, ухмылками и весельем.

Он понял, что напевает традиционную севстралийскую песенку:

Убиваем, чтобы жить, умираем, чтоб расти, —
Вот по этому пути должен мир идти!

Он заучил самым костным мозгом, что его мир — особенный, тот, которому завидуют, который любят, ненавидят и боятся по

всей галактике. Он знал, что был из числа особенных людей. Другие человеческие расы и виды растили урожай, или производили пищу, или разрабатывали машины и делали оружие. Севстралийцы не занимались ничем подобным. Из своих сухих полей, редких источников и огромных больных овец они добывали само бессмертие.

И продавали его по очень высокой цене.

Род Макбан немного прошелся по двору. У него за спиной стоял его дом. Это был сруб из бревен даймони — вечных бревен, которые нельзя распилить, которые твердостью превосходят все ожидания. Их купили комплектом в тридцати с лишним планетарных прыжках от Старой Северной Австралии и доставили световыми парусниками. Сруб представлял собой крепость, не подвластную даже крупнокалиберному оружию, но по-прежнему оставался срубом, незамысловатым изнутри, с передним двором из слежавшейся пыли. Последние алые отсветы рассвета переходили в день. Род знал, что далеко ему не уйти.

Он слышал женщин за домом, родственниц, которые пришли, чтобы постричь и привести его в приличный вид для триумфа — или иного исхода.

Они не знали, как много ему известно. Из-за его недуга они годами думали рядом с ним, полагая, что его телепатическая глухота постоянна. Увы, это было не так: он часто слышал вещи, не предназначавшиеся для него. Он даже запомнил грустную короткую поэму про молодых людей, которые по какой-то причине не прошли испытание и были вынуждены отправиться в Умирающий дом, вместо того чтобы стать севстралийскими гражданами и признанными подданными Ее королевского величества. (У севстралийцев пятнадцать тысяч лет не было настоящей королевы, но они верно придерживались традиций и не давали каким-то фактам сбить себя с толку.) Как там было в той поэме?.. В ней сквозило своеобразное, мрачное веселье.

Он стер свой след в пыли — и внезапно вспомнил всю поэму целиком. Негромко продекламировал ее:

Это обитель древнейших времен,
Где старый дух печалью пленен,

Где боль эпох реальна, как нож,
У врат, что в Сад смерти ведут,
Где те, что были, нас снова ждут.
Из Сада смерти идет молодежь,
Отведав геройский страх.
Их речи дерзки, в могучих руках —
Триумф, погибель, уход.
Это обитель древнейших времен.
Кто умрет молодым, сюда не войдет.
Кто живет — тот знает, что бездна ждет,
Старые духи сказали: таков закон.
Из Сада смерти дивятся они
На юные, смелые дни.

Ничего не стоило сказать, что они дивятся юным и смелым, но он еще не встречал человека, который не предпочел бы жизнь смерти. Он слышал о людях, которые выбрали смерть, — конечно, слышал, а кто не слышал? Но эти слухи передавались через третьи, четвертые, пятые руки.

Он знал, что некоторые говорили: ему лучше умереть, раз он так и не научился общаться телепатически и был вынужден по старинке говорить вслух, как чужаки из других миров или варвары.

Сам Род определенно не считал, что ему лучше умереть.

На самом деле иногда он смотрел на нормальных людей и гадал, как им удается жить под постоянную глупую болтовню чужих мыслей, проносащихся через их сознание. Когда его разум прочищался и он на время обретал способность «слыжать», сотни или даже тысячи чужих разумов обрушивались на него с невыносимой четкостью; он мог «слыжать» даже тех, кто считал, будто выставил телепатический щит. Затем милосердное облако увечья вновь окутывало его сознание, и он оставался в глубоком, бесподобном одиночестве, которому следовало бы позавидовать всем жителям Старой Северной Австралии.

Однажды его компьютер сказал ему:

— Слова «слыжать» и «говорить» — искаженные «слышать» и «говорить». Вслух их всегда произносят, повышая тон на втором слоге, словно задают вопрос, с изумлением и тревогой. Они от-

носятся только к телепатическому общению между людьми или людьми и недолюдьми.

— Что такое недолюди? — спросил он.

— Модифицированные животные, которые говорят, понимают речь и обычно выглядят как люди. От цереброцентрированных роботов они отличаются тем, что роботы созданы на основе реального животного разума, однако состоят из механических и электронных реле, в то время как недолюди полностью сделаны из земной живой ткани.

— Почему я ни разу их не видел?

— Им запрещено посещать Севстралию, если только они не состоят на службе министерства обороны Содружества.

— Почему мы называемся Содружеством, а все прочие места — мирами или планетами?

— Потому что вы, люди, являетесь подданными английской королевы.

— Кто такая английская королева?

— Она правила на Земле в Древнейшие дни, более пятнадцати тысяч лет назад.

— А где она сейчас?

— Я же сказал, что это было пятнадцать тысяч лет назад, — ответил компьютер.

— Я понимаю, — сказал Род, — но если уже пятнадцать тысяч лет не было никакой английской королевы, как мы можем быть ее подданными?

— Я знаю ответ в человеческих словах, — сообщила дружелюбная красная машина, — но не вижу в нем смысла, а потому процитирую его тебе так, как мне его сказали люди: «Она вполне может объявиться в один чертов день. Кто знает? Это Старая Северная Австралия среди звезд, и какого черта нам не ждать нашу собственную королеву?» Может, она была в отъезде, когда Старая Земля протухла. — Компьютер издал несколько странных древних щелчков и с надеждой произнес своим бесстрастным голосом: — Ты не мог бы это переформулировать, чтобы я запрограммировал данную информацию в своем узле памяти?

— Для меня она ничего не значит. В следующий раз, когда

смогу *слыжать* чужие мысли, попробую выцепить это из чьей-нибудь головы.

С тех пор прошло около года, но ответ Роду так и не попался.

Прошлой ночью он задал компьютеру более насущный вопрос:

— Я умру завтра?

— Нерелевантный запрос. Нет доступных ответов.

— Компьютер! — крикнул Род. — Ты же знаешь, что я тебя люблю.

— Ты так говоришь.

— Я запустил твой исторический узел после того, как починил тебя, хотя эта твоя часть бездействовала сотни лет.

— Верно.

— Завтра я умру, а ты даже об этом не пожалеешь.

— Я этого не говорил, — возразил компьютер.

— Тебе все равно?

— Меня не запрограммировали на эмоции. Поскольку ты лично починил меня, Род, тебе следует знать, что я — единственный полностью механический компьютер, работающий в этой части галактики. Не сомневаюсь, что, будь у меня эмоции, мне было бы очень жаль. Вероятность этого крайне высока, поскольку ты — мой единственный товарищ. Но у меня нет эмоций. Есть числа, факты, язык и память, больше ничего.

— В таком случае какова вероятность, что завтра я умру в Комнате смеха?

— Это неправильное название. В Умирающем доме.

— Ну ладно, в Умирающем доме.

— Тебя будут оценивать современные люди на основании эмоций. Я не знаком с вовлеченными в дело индивидуумами, а потому не могу сделать никакого предсказания.

— Как ты думаешь, компьютер, что со мной будет?

— В действительности я не думаю, а отвечаю. У меня нет входных данных на этот счет.

— Тебе известно хоть что-нибудь о моей жизни и смерти завтра? Я знаю, что не могу *говорить* разумом и буду вынужден проносить слова ртом. С чего им убивать меня за это?